

ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ

МАМА, Я ЖУЛИКА
ЛЮБЛЮ!

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Мама, я жулика люблю! / Владимир Колычев. —
Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-104132-8

Любовь не только творит чудеса, но и приносит несчастье. Подающий большие надежды боксер Женя Пылеев полюбил школьную учительницу, красивую молодую женщину. И ведь знал он, что Варвара — жена крутого криминального авторитета Агапа, который держит в страхе весь город. Недолго были вместе влюбленные. Нашелся «доброжелатель», раскрыл глаза авторитету. Месть бандита была страшной и изощренной — Варвара оказалась в тюрьме, а Женя попал в настоящую кабалу к Агапу. Теперь, чтобы завоевать право быть с любимой женщиной, он должен драться на профессиональном ринге и побеждать. Поражение подобно смерти...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104132-8

© Колычев В.Г., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Новая школа — новая жизнь. Так сказала мама. Но Жене такая жизнь нравилась не очень. Как и сама школа, в которой он оказался по воле беспутного папочки. Раньше он жил в Москве, там была другая школа — огромное здание в современном стиле, спортивный комплекс с бассейном. А здесь — хоть и не маленькое, но порядком обшарпанное трехэтажное здание, жалкий спортзал с латаными-перелатаными полами, а туалет, как это ни дико, находится на улице. Еще неизвестно, что за народ здесь, вряд ли стоящий. Но делать нечего, раз уж судьба преподнесла чашу горечи, то придется испить ее до дна...

Первое сентября, первый раз в одиннадцатый класс... Тоска. Одна только радость — этот год для Жени последний. Отучится и обратно в Москву — в институт поступать. Всего лишь год... Целый год...

Школьная линейка должна была вот-вот начаться. На крыльцо, как на трибуну, вышла директриса с горящими глазами. Учителя принялись сбивать свои классы в организованные группы. И только одиннадцатый «А» класс стоял как неприкаемый. Нет классного руководителя. Должен быть, но пока не наблюдается. Жене все равно. Пропади она пропадом, эта школа вместе со всеми учи-

телями. И одноклассники тоже. Видеть их не хотелось. Не хотелось, но приходилось: нужно же было знать, бок о бок с кем ему придется грызть гранит науки. Особо интересовал вопрос — придется ли он ко двору или нет. Все-таки чужой монастырь...

Ребят в классе было не очень много. Всего семь человек. Один явно центральной — снисходительно-нахальный взгляд, уверенность в своей значимости, нарочитая резкость в движениях. Если Женя правильно понял, то звали его Эдик. Среднего роста, не слабо накачан, лицо — не самая удачная работа малоталантливого скульптора. Вроде бы черты лица правильные, но не хватает выразительности и одухотворенности. Зато чванства и дешевого снобизма хоть отбавляй. Под крутого парень косит. Что ж, это его право. Тем более что это право признают его дружки. Их двое. Пучеглазый брюнет с крупным, но каким-то рыхлым телом. И белобрысый живчик — среднего роста, худощавый, не в меру и вряд ли оправданно самоуверенный. Также крутым хочет казаться, но видно, что у него на роду написано быть «шестеркой».

К центральной троице примыкают еще двое. Их не особо признают. Так, позволяют находиться рядом. Не гонят, и на том спасибо... Еще двое — особняком. Это ярко выраженные «ботаники». Худосочный очкарик и розовощекий пухлячок. Видно, что им вполне комфортно в компании друг друга. Свои темы, свои разговоры. Никто им вроде бы и не нужен. Но на девчонок посматривают. Любый «ботан» рано или поздно становится половозрелым, а фантазии у них — мама не горюй...

Центровой Эдик в упор не замечал Женю. Вернее, делал вид, что и знать его не желает. Никто из его окружения даже не сделал попытки заговорить с ним, узнать, кто он

такой, откуда. Но Женя и не ждал, что новые одноклассники примут его с распростертыми объятиями. В школе, где он прежде учился, новичков тоже не больно-то жаловали. Так уж устроено в этом мире, что любая человеческая общность сплетена из условностей. И общность старшеклассников не исключение. Пока ты никто, первым руку тебе может подать только «лох». Пока ты никто, не стоит ждать доброго к себе отношения. Хочешь быть кем-то, докажи свое право на достойное существование... Жене совсем не хотелось что-то кому-то доказывать. Но ведь и это проявление одной из множества условностей. Не нужно лезть из кожи вон, чтобы разрекламировать собственное «я». Будь проще, и люди к тебе потянутся...

Девчонки тоже не лезли к нему с расспросами. Кто-то из солидарности с центральной компашкой, кто-то из чувства собственного достоинства, а кто-то откровенно стеснялся. Но было видно, что девчонкам он интересен.

И девчонки, надо сказать, достойны были его внимания. Их много, чуть ли не в три раза больше, чем ребят. Были и красивые, были просто симпатичные, а были и такие, на которых лучше и не смотреть, чтобы ночью страшные сны не снились. Особенно выделялась высокая худенькая девчонка с короткими темно-русскими волосами. Шикарные черные брови, большие глаза, прелестное личико, чуточку вздернутый носик, пухлые, четко очерченные губки...

— Та-ак! А где Варвара Юрьевна? — чуть ли не мужским басом спросила отнюдь не мужеподобная женщина.

Плоская, как доска, носастая, губастая. И глаза, как два извергающихся вулкана. Только глянешь в них, и уже страшно. Это была классная руководительница параллельного, одиннадцатого «Б».

— Здесь я, Марина Яковлевна! — ответило ей нежное, приятное сопрано.

Женя увидел молодую изящную женщину. Она не шла, а, казалось, парила над землей. Роскошные белокурые волосы до плеч, стреловидные вразлет брови, красивые глаза, высокие скулы, чувственный рот. Белозубая улыбка. И фигура на загляденье... Женя так загляделся на это чудо, что даже не сразу понял, что эта женщина и есть его новый классный руководитель. Варвара Юрьевна. Живое воплощение Школьной Феи, если таковая есть вообще...

— Так, все в сборе? — строго спросила она.

И куда только подевалась ее обаятельная улыбка.

Никто ей не ответил, если не считать чьего-то глупого «Здрась, Вар Юрна!». Но все ее подопечные, как по мановению волшебной палочки, пришли в движение. Оставили разговоры, сбились в кучу.

— А это, значит, наш новенький? — глядя на Женю, спросила она.

И снова улыбка. Радужная. Можно сказать, что и обаятельная. Но в глазах полный штиль. Ни единой живой искорки. Интерес был, но исключительно на уровне официальных отношений. Впрочем, иного ждать не приходилось. Хотя и хотелось.

— Сегодня новенький, завтра — готовенький! — язвительно отозвался кто-то из центральной компашки.

Варвара Юрьевна даже ухом не повела в его сторону.

— Пылеев Евгений? — по памяти уточнила она.

— Пылеев, — кивнул Женя.

— Ну что ж, Пылеев Евгений, считай, что ты принят в наш дружный коллектив! — ярко улыбнулась классная.

— Как уж бы! — раздался все тот же подленький голосок.

На этот раз Варвара Юрьевна игнорировать его не стала.

— Ох, и любишь ты, Бычков, в спину пинать, — язвительно заметила она.

— Да я могу и с глазу на глаз, — обиженно пробубнил голос.

— Я знаю, как ты можешь. Сколько раз ты в прошлом году с подбитым глазом ходил?

— А как с глазу на глаз, так и в глаз! — хохотнул пучеглазый брюнет.

Но толпа поддержала его лишь после того, как улыбнулся Эдик. Вялая, снисходительная улыбка. Но этого хватило, чтобы Бычкова подняли на смех.

— Так, все, успокоились!

Варвара Юрьевна сказала не громко, но ее услышали все. Толпа притихла. Никто не возмущается. Тот же Эдик тихо сопит в две дырочки. Бычков — тот и вовсе потух.

2

Мама готовила завтрак. На губах вымученная улыбка, в глазах застывшие слезы...

Ей всего тридцать пять лет. Только-только школу закончила, познакомилась с отцом, и сразу под венец. А там и Женя родился... Еще весной этого года мама цвела и пахла. Молодая, красивая, полная света и радости. Но все ее счастье рухнуло в один миг. Она узнала, что у отца есть любовница. Даже разговаривать с ним не стала. Забрала Женю и уехала к матери в свой родной Балатуйск, что в четырехстах километрах от Москвы. Только вещи с собой прихватила. И немного денег. А квартиру с обстановкой, машину, дачу — все оставила отцу. Бабушка говорила, что мама поступила глупо. Но Женя мать не осуждал. Потому что очень любил... И отца, в общем-то,

любил. Только вот простить его не мог. Предателей не прощают...

Была у Жени надежда, что отец опомнится, бросит свою молодую красотку, приедет за ним с мамой и заберет их обратно в Москву. Но прошло лето, наступила осень, а от него ни слуху ни духу. Мама уже и на работу устроилась — продавцом в магазин. Зарплата — курам на смех. А с бабушкиной пенсии, наверное, даже цыплята обхохочутся... Женя даже подумывал о том, чтобы устроиться на работу. Нет, не вместо школы, а после занятий. В том же магазине, где мама работает. Можно попробовать себя в качестве грузчика. Он хоть и не атлет по сложению, но сил в нем хоть отбавляй.

Мама здорово сдала за последние месяцы. Постарела, осунулась, даже проседь в волосах появилась — она ее крашивает, но Женя-то знает...

— Как настроение, сынок? — за завтраком спросила мама.

Через силу бодрится, смотреть на нее больно.

— Отличное... И учиться буду отлично, вот увидишь...

Учился он не ахти. Но больше из-за своей невнимательности, чем по скудости ума. Не было желания учиться. И уроки он делал спустя рукава. Но сейчас все изменилось. Он не хочет расстраивать мать. Ей и без того тяжело. Да и в институт поступать нужно, а туда без хороших знаний не принимают. Разве что по блату. Блат, правда, в Москве есть... сестра отца, родная тетка, — старший преподаватель в МГУ. А захочет ли он обращаться к ней за помощью, вот в чем вопрос... Но даже если захочет, в любом случае гранит науки нужно грызть всеми зубами.

— Уроки выучил?

Было видно, что мама спрашивает об одном, а думает о другом. Снова вся в думах об отце. Любит она его...

— Какие уроки? Вчера только «классный час» был. Только учиться начинаем...

— Ну, ты кушай, кушай, а я побежала!

Ей уже на работу пора. А Жене в школу. Им в разные стороны.

Он позавтракал, забросил за плечо сумку с учебниками и вперед за знаниями.

Бабушка жила в кирпичном трехэтажном доме. Одни старики во дворе. Молодежи — кот наплакал. Впрочем, Жене все равно. Не интересуют его больше гулянки. Все силы — на учебу. Тем более что у него появился дополнительный стимул. Варвара Юрьевна, Школьная Фея... Он думал о ней вчера весь день, даже ночью она ему сегодня приснилась. Вызвала его к доске, а он ни «бэ», ни «мэ», ни «кукареку». А она даром, что красивая. Язычок у нее острый. На смех его во сне подняла. Класс от хохота на ушах до самого рассвета стоял...

Во дворе он увидел странную, как могло бы показаться, парочку. Дедуле — под восемьдесят, а бабуле еще больше. Божьи одуванчики, идут, за ручку держатся, улыбаются друг дружке. То ли старческий маразм, то ли любовь до гроба... Может, и любовь...

До школы шагать и шагать. Километра полтора минимум. Ноги у Жени сильные, для него это не расстояние. Но если учесть, что в Москве школа находилась в двух шагах от дома, где он жил... Пора уже забыть, что было. Но не хотелось забывать. И в Москву обратно хочется, сил нет...

— Привет! — откуда-то со стороны донесся до него девичий голосок.

Он обернулся и увидел свою одноклассницу. Ту самую девчонку, которая понравилась ему больше всего. Роза ее зовут... Вот фамилии ее Женя не знал. Да и не нужно пока.

Вчера Роза, как и он сам, была, так сказать, при параде. Белый верх, темный низ. Некое подобие отмененной школьной формы. А сейчас она в свободной одежде. Сиреневая кофточка, джинсы в облипку, туфли на высоком для школьницы каблуке. Ресницы удлинены, глаза подведены тушью, на щеках косметический румянец и губы накрашены. Женя не знал, вульгарно это или нет, но то, что соблазнительно, — вне всякого сомнения... Сегодня Роза производила более яркое впечатление, чем вчера. Но при всем ее старании ей не затмить Варвару Юрьевну. Хотя вряд ли она думала о том, чтобы переплюнуть «классную мисс». Вернее, миссис. Еще вчера Женя заметил обручальное кольцо на безымянном пальце ее правой руки. Это значило, что Варвара Юрьевна замужем...

— Идешь, о чем-то думаешь, — весело смотрела на него Роза. — Одноклассниц в упор не замечаешь... А ты что, здесь живешь?

— Ага, на улице Мюллера, — пошутил Женя.

— Да, тогда я живу на улице Бормана, — хихикнула Роза. — А ты, случайно, не Штирлиц?

— А ты, случайно, не радистка Кэт?

— Хочешь, чтобы я составила тебе компанию? — загадочно сощурилась она.

— Почему бы и нет?

Недолго думая, он протянул к ней руку и снял с ее плеча школьную сумку. Роза удивленно повела бровью и благодарно улыбнулась. Но тут же притворно нахмурилась:

- Только вот не знаю, понравится ли это Бычкову?
- Что может ему не понравиться?
- Ну, то, что мы вместе, — замаялась она. — Ты и я...
- А мы вместе? Я рад, если так... А мнение Бычкова меня мало интересует. Кто он такой, этот Бычков?
- Да так, ничего особенного. Обычный придурок. Но я ему нравлюсь...
- Нашла чем удивить. Вот если бы ты сказала, что ты ему не нравишься, тогда бы я удивился, а так — нет... Ты лучше скажи, кому ты не нравишься?
- Роза смешно наморщила лоб и приложила палец к своему носику.
- Эдику не нравлюсь... Может, и нравлюсь, но ходит он с Галкой из параллельного...
- Завидуешь?
- Кому, Галке? — презрительно фыркнула Роза. — Еще чего!.. Мне, между прочим, Эдик совсем не нравится. Он, может, и крутой, но задавала еще тот. И Галку свою бьет... Ну, не то чтобы бьет. Но однажды она с таким фингалом ходила!..
- Она обвела пальцами вокруг своего глаза, показывая, какой у Галки был синяк.
- На себе не надо показывать, плохая примета, — предостерег Женя.
- Фу-у! — в суеверном порыве подула она себе на руки.
- А что, Эдик в самом деле крутой? — спросил он.
- Крутой... Он хоть и на понтах, но в самом деле крутой... Я тебе больше скажу, у него старший брат — бандит. Так Эдик со всеми его друзьями знаком. А бригадир, так тот ему личное поручение дал...
- За школой смотреть, да? — усмехнулся Женя.

Он сделал вид, что бандиты ему нипочем. Но это была бравада, не более того. На самом деле ему стало слегка не по себе. Бандиты — это чужой, криминальный мир. Что здесь, что в Москве. К тому же очень опасный. Убийства, насилие. И одно упоминание о нем наводило на душу могильный холод. Не хотел бы он иметь дело с этими страшными людьми. И с их пусть и косвенным представителем — Эдиком. Уж лучше держаться от него подальше...

— Не знаю, как за школой, — на полном серьезе сказала Роза, — но за Варварой точно...

— А Варвара здесь при чем? — изумленно вытянулся в лице Женя.

— А при том... Я могла бы тебе по секрету сказать, но об этом уже все знают... Короче, муж у Варвары тот самый бригадир, который озадачил Эдика...

— Ты хочешь сказать, что муж у Варвары бандит? — оторопел Женя.

— Я уже сказала. Да, бандит. И очень авторитетный... Авторитет, короче...

И тут до него дошло: Роза просто-напросто разыгрывает его.

— Да ладно тебе прикалываться! — натянуто улыбнулся он. — А то я уже почти поверил...

— А я не прикалываюсь!

Роза всем своим видом давала понять, что розыгрыш здесь ни при чем.

— Разве бандиты — не люди? — риторически спросила она. — Разве у них не может быть семьи?.. Может. Вот и у Агапа жена есть.

— Кто такой Агап?

— Здравьете-подвиньтесь! У Варвары как фамилия? Агапова! Это по мужу. Значит, муж — Агапов. А от фа-

милиии кличка — Агап... Ты думаешь, почему Варвара нас всех за жабры держит? Да потому что муж — крутой!

— Ну, мне показалось, что она и сама по себе женщина с характером.

— А никто и не спорит. Она и сама так может задвинуть, что сам завернешься!.. А тут еще Эдик. Ты попробуй, пошутить с Варварой! Клея там ей под ноги належь или кнопку на стул положи. Так Эдик тебя самого потом заклеит и кнопкой пришпилит!

— Ужас какой-то!

— Ужас? Да я бы не сказала... Я тебе вот что скажу: ты Эдику очень не понравился. Ну, потому что новичок. А еще потому, что из Москвы. А у нас москвичей не любят... В общем, Эдик бы тебе еще вчера морду мог набить...

Жене совсем стало не по себе. Неужели все так плохо, что дело близится к мордобою? Да еще и бить его собирается бандитский подпевала... Да, вляпался он в историю. Хоть документы из школы забирай...

— Но ведь не набил же, — продолжала Роза. — Потому что директор об этом узнать может. И с Варвары спросит. А Варвара мужу пожаловаться может. Тогда самому Эдику не поздоровится... Короче, не тронет он тебя, не бойся...

— Да я как-то и не боюсь, — пожал плечами Женя.

— Не боишься, — хмыкнула она. — Все так говорят, а как до дела доходит... Да ладно, не парься ты. Все будет хоккеей. Я-то вижу, что парень ты неплохой. Не задавайка какой-то. Хочешь, я с Эдиком поговорю? Он со мной считается...

— Не хочу! — мотнул головой Женя.

Не привык он прятаться за бабские спины. Да и по морде получить не так уж и страшно. И не счесть, сколько раз били его по лицу. Ничего, живой.

— Ну как хочешь... Знаешь что, а давай завтра на дискотеку ходим. Там наши пацаны будут, девчонки. Школа — одно, а дискарь — другое, там тебя быстрее за своего примут.

Женя промолчал в ответ. Лишь невесело усмехнулся. Сначала отметелят его «свои парни» всей толпой, а потом уже будут решать, поднимать или дальше опускать. Могут ведь и совсем зачморить. Уж он-то знает, как это делается. В Москве-то его за пай-мальчика никто не держал.

— Что, боишься?

Провокационный вопрос. И Женя завелся:

— Я?! Боюсь?!

— А чего тогда молчишь?

— Просто я не знаю, где тут у вас дискотека.

— Не знаешь, так я покажу. Я за тобой завтра вечером зайду...

3

Роза собиралась зайти к нему домой завтра вечером. А сегодня утром, как раз перед тем, как прозвенел звонок на первый урок, демонстративно села за стол к Жене. И тут же в спину ему впился обжигающий взгляд Бычкова. Этот парниша явно неровно дышал к Розе. Оттого и желал стереть в порошок внезапного соперника.

Варвара Юрьевна, напротив, одобрила действия Розы. Ничего не сказала. Но взглядом дала понять, что рада взятому с ее стороны шефству над новичком. А Жене даже весело подмигнула. Мол, так держать!.. Подмигнула весело, но совсем его не развеселила. Он был бы только рад, если бы ее расстроил их с Розой зарождающийся роман...

Варвара Юрьевна преподавала математику. Члены и многочлены, иррациональные и логарифмические функ-

ции. Жуть, одним словом. Женя и рад был бы блеснуть знаниями, но увы... Но ничего, он обязательно наверстает упущенное за последние годы. Натура у него такая — если чего-то сильно захочет, обязательно добьется. Еще бы самой Варвары Юрьевны добиться. Но даже своим наивным умом он понимал, что мечта эта несбыточная. Она — учительница, он — ученик. К тому же у нее муж — бандит...

Но ведь мечтать, как говорится, не вредно. Вредно не мечтать... Женя вдруг представил, что, кроме них с Варварой, в классе нет никого. Но занятие продолжается. Вот она показывает значение показательной функции. Для этого снимает с себя кофточку, и эта самая функция делится на два животрепещущих бугорка с розовыми сочками. А вот и степень с натуральным показателем — под юбкой у нее нет трусиков, только чулки с пояском. А между ног все такое натуральное, что у него все поднялось до самой высшей степени...

— Пылеев, ау! — Вразумляющий голос Варвары Юрьевны.

Толчок в плечо. Это Роза... Никто никуда не исчезал. Все на месте. И учительница даже не думает раздеваться. Возвышается над ним во всей своей монументальной красоте, в глазах острая насмешка. Неужели она догадалась, какие фантазии будоражили его сознание? Женя почувствовал, что лицо заливают краской.

— В облаках витаешь, Пылеев?

— Да нет...

— А мне кажется, да... Ну и что там в облаках ты увидел? Неужели значение логарифма сорока двух? А может, амуры там со стрелами?.. Беяева, отодвинься от Пылеева, а то он слишком бурно на тебя реагирует.